

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

В костюме
голой
королевы

ЭКСМО

Оля Романчикова

Елена Логунова

В костюме голой королевы

«ЭКСМО»

2014

Логунова Е. И.

В костюме голой королевы / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2014 — (Оля Романчикова)

ISBN 978-5-699-69289-7

Скромная учительница Оля, недавно ставшая женой бизнесмена Громова, и ее подруга Люсинда приехали в Сочи на слет молодых педагогов. Вот только некто вознамерился помешать им и работать, и отдыхать: Оле все время мерещилось, что ее зовет приемный сын. После звонка из бассейна при фитнес-клубе отеля, когда она опять услышала в трубке голос Димки, Оля решительно направилась туда и обнаружила... доблестных сотрудников правоохранительных органов! Кто-то напал на дежурного администратора – бандиты явно поджидали в закрытом бассейне Ольгу, но в темноте перепутали. Теперь уж храбрая учительница не отступится, пока не выяснит, кто и зачем решил таким изощренным способом заманить ее в ловушку!

ISBN 978-5-699-69289-7

© Логунова Е. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

День первый	7
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Логунова

В костюме голой королевы

– Что, Максим?

Референт бесшумно скользнул к столу и положил перед Громовым распечатку:

– Вам это может быть интересно, Андрей Петрович.

Интересы первого и единственного на юге России олигарха в этот предвечерний час были немногочисленны и не блистали разнообразием. Громову хотелось домой, к семье, ужинать и спать. Но интонации образцового референта обещали нечто необычное, и Громов послушно заглянул в бумажку.

– «Управление внутренних дел на воздушном транспорте подтвердило факт «кражи века» в международном аэропорту города Москвы». А я тут при чем?

Он посмотрел на помощника, и тот едва заметно дрогнул подбородком, предлагая продолжить чтение.

– «Авиатехник дежурной смены наземного обслуживания, фамилию которого следствие не называет, занимался подготовкой самолета к рейсу на Монреаль. Улучив момент, он присвоил партию алмазов, которые предназначались для отправки в Канаду».

Громов хмыкнул и вопросительно вздернул брови:

– Алмазы, говоришь?

Референт кивнул.

Андрей Петрович уже без понуждения уткнулся в бумажку.

– «Отправителя груза представитель управления назвать отказался, однако по непроверенным данным, алмазы принадлежат объединению «Алмазювелирторг». Ага! «Вся партия алмазов оценивается экспертами в полтора миллиона долларов, – с откровенным удовольствием прочитал Андрей Петрович. – Сенсационное преступление не планировалось заранее и целиком лежит на совести персонала аэропорта. Перед отправкой в Канаду груз некоторое время находился под надежной охраной на складе драгметаллов аэропорта, откуда был сдан вместе с тремя другими ценными посылками бортпроводнику. Стюард, однако, оставил груз без присмотра и ушел по своим делам, чем не замедлил воспользоваться авиатехник – «молодой человек из очень хорошей семьи», как его характеризуют на работе. Удачной краже способствовала и компактность груза, представляющего собой мешочек весом 250 граммов». Да, это забавно, спасибо!

Махнув бумажкой, он отпустил референта, и тот мгновенно испарился.

Громов потянулся к телефону, набрал знакомый номер и, дожидаясь, пока гудки в трубке сменит голос вызываемого абонента, радостной скороговоркой дочитал вслух:

– «Кражу обнаружили лишь по прибытии самолета в Монреаль, откуда дали телеграмму в Москву. Поиски похищенного груза осложнились тем, что авиатехник, уйдя со смены, не вернулся домой». Здоров, Василий!

– Ну, неужто? Сам Андрей Петрович Громов мне звонить изволят? – насмешливо загудел в мобильнике басовитый голос. – Что, отыгаться надумал, салага?

– В прошлый раз мы с тобой вничью сыграли, Вася, ты забыл? Ах, возраст, возраст! – не задержался с ответной колкостью Андрей Петрович. – Хорошо, считай, что я двинул свою пешку на Е4, хотя я тебе не ради шахмат звоню. Я посочувствовать тебе намерен, Вася! Ты, говорят, в каком-то аэропорту на полтора лимона баксов камешков потерял, раззява этакий?

Он засмеялся, и собеседник смущенно хмыкнул.

– Ох, язва ты, Петрович! Ну, есть такое дело, свистнули у меня горсть алмазов, ты же знаешь таможенников – это натуральные разбойники и бандиты.

– Кто бы спорил, – согласился южнороссийский олигарх.

– Но я не сильно печалюсь, Андрюш, – поведал его собеседник, и по голосу было слышно – так и есть, он ничуть не грустит. – Мне-то какая беда? Груз был застрахован, так что пусть авиаперевозчик убивается, это его проблемы – и финансовые, и кадровые. Тут ведь, знаешь, особая пикантность ситуации в том, что кражу совершил сотрудник цеха, известного решительной борьбой за свои права. Совсем недавно они бастовали, протестуя против того, что полиция обыскивает сотрудников, подозревая их в регулярных хищениях бортового питания!

– Наловчились куриные ножки и булки ховать по карманам! – хмыкнул Громов. – А твою-то покражу нашли или нет?

– Вора нашли, – голос в трубке построжал. – Да только поздно: при нем уже ни камешков, ни денежек не было. Он успел снять со своего банковского счета все свои сбережения, да на этом все его везение и кончилось.

– Это как?

– А вот так: встретили дурачка лихие люди, все добро у него забрали, а самого придушили.

– И что?

– А то: ищи, как говорится, ветра в поле! Менты гопоту местную перетряхивают, концы ищут, но пока все глухо. Думаю, ни убийцев, ни камешки не найдут.

– Пессимист ты, Василий, – упрекнул собеседника Громов. – А я вот верю в нашу полицию! Давай спорить, найдут твои алмазы или нет?

– Так вот зачем ты мне звонишь, фраер азартный! – обрадовался голос в трубке. – Хочешь очередное пари заключить? Ну давай! Я говорю, простите-прощайте, мои алмазики. А ты, значит, ставишь на то, что их вернут? Какое простодушие!

– Вась, это не простодушие, это хитрость! – засмеялся и Громов. – Если я выиграю, ты вернешь мне те шахматы из черного дерева и слоновой кости, которые бессовестно отхватил в прошлый раз.

– А если ты не выиграешь, то подаришь мне к тем шахматам подходящую доску!

– Лады, договорились. Бывай!

Южнороссийский олигарх весело хохотнул в такт гудкам, скомкал распечатку с новостью о краже века и запустил бумажный шар в корзину для мусора.

День первый

Шашлычную Люсинда требовала непременно «самую настоящую грузинскую».

– Такую, знаешь, где повар, поварята, официанты и даже посудомойки в огромных кепках и во-о-от с такими усами! – тархтела она, демонстрируя размах желательных ей усов тем жестом, каким хвастливый рыбак показывает пойманную им чудо-рыбу.

– Кепки – это негигиенично, СЭС не позволит, – вяло возражала Ольга, не имея сил воспротивиться азартной подруге как следует.

Она совершила типичную ошибку курортника – уснула на пляже, недооценив октябрьское солнышко, и теперь с лица походила на Снегурочку, а со спины – на Чингачгука.

За исключением попы, которая была укрыта трусами купальника, весь Олин тыл алел, как революционный кумач. Она страстно мечтала обмотаться бинтами в кефире и тихой мумией лежать в прохладе кондиционированного номера, но Люсинда решительно заклеила позором магазинный кефир, сказав, что в нем живительных бактерий ноль процентов.

– Мацони, вот что тебя спасет! – авторитетно заявила подруга. – Самое настоящее грузинское мацони, натуральный кисломолочный продукт.

Ольге Палне из всего возможного натурально-грузинского в настоящий момент близка и понятна была разве что цитата из фильма «Мимино»:

« – Ты и она – не две пары в сапоге.

– Почему?

– Слушай, ты – видный мужчина, а она – возьми кошку, опусти в воду, вынь – и такая же худая!»

Это было про нее и Громова. Он – красавец-мужчина, спортсмен и олигарх, а она – чучело Масленицы после ритуального аутодафе! Хорошо, что Громов ее сейчас не видит.

– В настоящем грузинском мацони полно полезных бактерий, и все они такие же шустрые, как Сосо Павлиашвили! – не умолкала Люсинда.

Ольга Пална тут же представила, как по ее обожженной спине, размахивая руками, подергиваясь от избытка энергии и – не дай бог! – распевая, бегают маленькие гиперактивные Сосо, и усомнилась в великой пользе такого лечения.

– Глупости, – отмахнулась от ее сомнений Люсинда. – Ты ничего не понимаешь ни в продуктах, ни в мужиках!

Очевидно, подруга забыла, кто в начале года чудесным образом отхватил себе лучшего в южных широтах жениха – без пяти минут олигарха Андрея Громова, но спорить с ней у Ольги не было сил. Проще подчиниться и идти искать легенды Грузии – мацони, шашлыки и мужиков, причем в их улучшенном экспортном варианте, поскольку отдыхали подруги в Сочи.

То есть официально-то Люсинда и Оля пребывали в командировке. Родная школа делегировала их на краевой слет молодых педагогов, однако этот профессиональный шабаш был приурочен к Дню учителя и имел насквозь праздничный, необременительный характер.

Предполагая, что так и будет, Ольга Павловна пыталась отказаться от увеселительной поездки в пользу кого-нибудь из менее обеспеченных коллег. Она все еще стеснялась своего положения жены богача и не считала себя вправе претендовать на бесплатный отдых в Сочи, раз уж супруг в состоянии вывозить ее на лучшие курорты планеты и ближнего космоса. Но Люсинда категорически не желала ехать на слет «с этими мымрами», как она называла более благоразумных и степенных школьных девушек, то есть всех, кроме самой себя и Ольги Павловны.

Энергичности, предприимчивости и результативности Люсинды, поставившей перед собой определенную цель, мог бы позавидовать любой спецназ. Директриса Майя Андреевна вызвала Ольгу Павловну Романчикову на ковер и поставила вопрос ребром. Или Ольга едет с

Люсиндой в командировку на слет молодых учителей – или увольняется и переквалифицируется в управдомы, благо, хоромы у ее супруга обширные, есть чем управлять!

– Полагаю, общественность вашей школы просто мечтает хоть немного отдохнуть от Люсинды, так что тебя не столько наградили, сколько принесли в жертву, – успокаивая встревоженную Ольгу Павловну, проницательно предположил сам упомянутый супруг.

Для пушего спокойствия Оли он предложил заплатить за ее пребывание на курорте из своего кармана.

Так Оля с подружкой оказались в пентхаусе с двумя отдельными спальнями, тремя совмещенными балконами и джакузи такого размера, что в ней запросто могла бы разместиться и комфортно проживать семья дельфинов.

– Всегда буду ездить только с тобой! – ликовала Люсинда, все более ужасая Ольгу Павловну.

Ее активность была убийственна в принципе и уже фактически покалечила Ольгу. Если бы неутомимая и неугомонная Люсинда не продержала подружку до утра в ночном клубе, та не уснула бы на пляже и не нуждалась бы теперь в кисломолочных обертываниях!

Где искать это самое мацони, Оля не знала, а Люсинда и не хотела узнавать, потому что получала большое и искреннее удовольствие от блуждания по закоулкам, компрометирующим Сочи как курортную столицу страны.

Глинобитные хаты и кособокие деревянные домики, пыльные улочки с потрескавшимся асфальтом или вообще без него, смешанный запах вялящихся на солнце фруктов, дикой мяты, разноцветных астр, вяющихся роз, виноградного сока, сочащихся битумом толевых крыш и уличных уборных – Люсинде все это ужасно нравилось.

– Ах, какой колорит! – восхищалась она, собственноручно добывая переспелый инжир с дерева, пыльные ветки которого опрометчиво не остались в очерченных забором пределах двора.

– Ах, какой темперамент! – восторгалась она, слушая иноязычную ругань бабки, законно пребывающей на одной территории с инжиром.

– Ах, какое гостеприимство! – растрогалась она, когда выяснилось, что вызванный крикливой бабкой волосатый дядька в семейных трусах притащил их не в зиндан, а к водоразборной колонке – мыть руки, инжир, сливы и яблоки из бабкиного сада.

– Аф, какой фкуф! – мычала она, набивая рот дарами щедрой сочинской природы и доброй армянской бабки.

– Если ты еще раз ахнешь, я тебя укушу! – не выдержала Оля.

Бедняжку знобило, мутило и неудержимо тянуло к земле. От падения на придорожную траву-мураву страдальцу удерживало лишь понимание того, что лежать на спине она никак не сможет. А валяться в лопухах на брюхе Оле было стыдно и странно.

Она же не пластун-разведчик на задании! Она уважаемая молодая дама, благородная училка, верная супруга и добродетельная мать.

Так она Люсинде и сказала.

– Вот, кстати, Романчикова, все хочу спросить тебя, почему ты и после замужества работаешь в школе? – по привычке назвав подружку девичьей фамилией, спросила Люсинда.

Могла бы и не спрашивать!

Олин новый и пока единственный сын Димка Громов по прозвищу Фантомас первого сентября пришел к Люсинде во второй «А», хотя никогда нигде не учился в первом.

Раньше Димке было не до школы, он серьезно болел, и когда он только начал адаптироваться в нормальном детском коллективе, Оля сочла своим долгом находиться поблизости.

– Потому что приглядываю за Димкой, – коротко объяснила она любопытной Люсинде.

– Не доверяешь мне? – подружка сделала попытку обидеться, но тут же передумала, учуяв новый запах.

В симфонию ароматов мощным крещендо ворвался слаженный дуэт жаренного на открытом огне мяса и маринованного лука. Подсознание подсказало Ольге Павловне, что для пущей гармонии песни жизни не хватает мажорного журчания красного вина, и к черту кислое молоко любого происхождения!

Не сговариваясь, Оля с Люсиндой повернулись и с ускорением пошли на запах, взволнованно потягивая носами.

– Не вижу кепок, – предупредила Оля подружку на ближних подступах к неказистого вида харчевне под вывеской «У Самвела». – И вообще, Самвел – это армянское имя, а не грузинское.

– Я абсолютно чужда национализма! – непоследовательно заявила Люсинда и первой ворвалась в виноградную беседку с простыми деревянными столами.

Они устроились так, чтобы видеть мангал, но не коптиться в дыму, в ожидании появления кого-то вроде официанта раскрыли иллюстрированное меню, и на первом же блюде Ольга Павловна зависла, испытав филологический оргазм.

«Люляки баб» – было старательно выведено под фотографией фирменного блюда.

– Хотела бы я увидеть тех баб, чьи это люляки! – в очередной раз восторженно ахнула Люсинда и беззастенчиво огляделась.

Люляки на фото были крупные, темно-коричневые и бугристые, наводящие на мысли об упитанной целлюлитной мулатке.

Впрочем, расизм и тут был неуместен. Ровный бронзовый колер в здешних краях легко приобрести на пляже, если не спать, как дура, кверху попой, а регулярно переворачиваться, поджаривая свои бледные славянские люляки до готовности.

Оля тоже огляделась и убедилась, что гражданок – потенциальных доноров поджаристых люляков (или люляк?) вокруг предостаточно.

Несмотря на то что харчевня находилась вдали от туристических троп, меню грешило орфографическими ошибками и никто из персонала не щеголял в кепке фасона «Аэродром», дивный запах – лучшая реклама! – приманил из цивилизованной части Сочи немало курортников.

Правда, обратный путь их заранее страшил. Оля услышала, что посетители, подошедшие после подружек, едва устроившись за столом, вызывают по телефону машину.

Простаки! Они не знали, как долго будет кружить их по здешним трущобам коварный таксист и в какую сумму им выйдет эта познавательная автомобильная экскурсия.

Добрая Ольга Пална с жалостью посмотрела на наивных курортников и благосклонно – на принесенную им с Люсиндой еду.

– А руки помыть? – ворчливо, с интонациями мамы, напомнил ей внутренний голос.

Люсинда, самозабвенно жмурясь, уже вгрызалась в люляки и даже не заметила, что Оля отошла.

Облупленный жестяной умывальник на впечатляющем основании из речных валунов смотрелся компактным рыцарским замком на стратегической высоте. Рядом высился деревянный сортир, талантливо стилизованный под швейцарское шале. Шедевр ландшафтного дизайнера с трех сторон укрывали занавески из лиловых плетей глицинии.

Оля вдохнула густой цветочный запах, задорно чихнула и услышала вежливое:

– Будьте здоровы!

Она оглянулась: за ней – не иначе, в очереди к удобствам – стоял хрупкий блондинчик с незабудковыми глазами, приезжий простак из той компании, которой по окончании обеда предстояло пасть жертвой алчного сочинского таксиста.

Оля этого белокурого юношу запомнила, а он ее, видимо, нет, иначе знал бы, что она сидит в кафе с подружкой, а не с ребенком, и не стал бы спрашивать:

– Это не ваш ли сынок потерялся?

Олин сынок в этот момент находился в трехстах километрах к северо-западу, если мерить по прямой, и в будний день начала октября имел минимальные шансы потеряться, потому что из школы и в школу ездил на машине с охраной.

– Не мой, – ответила она ненаблюдательному блондинчику, но против воли прислушалась.

– Мама, мама! – кричал ребенок во дворе. – Мама, где ты? Мамочка! Мамоля!

– Димка?

Оля не поверила своим ушам.

Конечно, голоса у малышей похожи, а на детские крики «Мама, мама!» по неистребимой привычке реагируют даже те родительницы, чьи потомки давно уже разговаривают басом и бреют бороды. Оля и не подумала бы бежать на зов, если бы не самолепное слово «мамоля». Мамоля, а не мамуля – так иногда называл ее младший Громов, изящно сливая слово «мама» с Олиным именем.

– Мамоля, где же ты?!

Невозможно, но это действительно был Димка!

Ольга уронила в пыль скользкое мыло и побежала на голос.

Кота звали Робертино, и кто угодно согласился бы, что это неподходящее имя для раскормленного мурзика без намека на итальянскую живость и грацию.

Однако Варвара знала своего кота лучше всех.

Названный в честь кумира хозяйки – некогда знаменитого певца Робертино Лоретти, кот тоже обладал незаурядным голосом, просто не подавал его до тех пор, пока был доволен течением жизни.

Почитающая счастье хвостатого друга своей кармической задачей, Варвара заботливо следила за тем, чтобы гармония мироздания в понимании Робертино не нарушалась, и поэтому окружающие крайне редко имели сомнительное удовольствие насладиться кошачьим вокалом. Зато, уж если это случалось, равнодушных не оставалось. Даже многолетние наслоения грязи и серных пробок в ушах не приглушали сокрушительный звук, и даже запущенные случаи рассеянного склероза не спасали от воспоминаний о диком вопле, способном обратить в позорное бегство орду голосистых индейцев-команчей.

Если бы Робертино хоть раз услышал умный армейский генерал, его тут же приняли бы на службу отдельным антитеррористическим подразделением. Варварин кот, включенный на максимальную громкость в центре вражеского города, в случае необходимости обратил бы в паническое бегство и мирное население, и вооруженного противника!

Может быть, именно поэтому Варвара избегала военных.

Впрочем, она чуралась любых мужчин.

Варвара давно уже без стеснения и с достоинством звалась старой девой и отдавала всю свою любовь исключительно дорогому Робертино. Даже на отдых к морю вывозила питомца каждый год – если не купаться и загорать (купаний Бертик не любил, а в загаре не нуждался, потому как от рождения был черным, как смоль), то хотя бы подышать свежим воздухом.

Кот, в старые девы никогда не записывавшийся, периодически бунтовал и рвался из объятий хозяйки на волю. В отличие от Варвары, Робертино был очень общителен и никогда не упускал возможности оказаться в гуще событий, каковы бы они ни были.

Летние выезды для Робертино были лучшим временем уже потому, что за городом Варвара никогда не водила его на поводке. Кот не возражал против ошейника, но ненавидел гулять на привязи. Отпущенный на вольный выпас, Бертик сладострастно валялся в зарослях мяты, увлеченно созерцал большой мир с трубы дымохода и спал, растянувшись меховым ковриком, в тени под лавочками. Варвара вздыхала, вычесывала из кошачьей шубы репы и мусор, но опрощение не пресекала, уважая освященный традицией аристократический стиль «граф на природе».

Большую черную машину Робертино высмотрел с забора, по которому неторопливо прогуливался в ожидании чего-нибудь особенного. Роскошные машины тут, на окраине, где дорогой курорт окончательно сдавал позиции, превращаясь в трущобы, появлялись нечасто.

Робертино заинтересованно сверкнул глазами.

Повалиться в густой тени под теплым автомобильным брюхом – это могло стать новым удовольствием для кота, чьим транспортным средством обычно бывала пластмассовая корзина-перевозка.

Дождавшись, пока машина остановится и заглушит двигатель, Робертино мягко спрыгнул с забора, вдумчиво обнюхал колесо и улегся вблизи него, совершенно неразличимый в тени.

– Ма-мо-ля! Ма-мо-ля! – скандировал знакомый голос.

Звучал он, вроде, бодро, с легким нетерпением.

Таким же голосом Димка обычно призывал Ольгу, стоя у подножия лестницы в холле или в саду под окном. За призывом, как правило, следовала просьба спустить ему с третьего этажа какую-нибудь забытую мелочь вроде ручки или линейки. Для спуска применялись парашют, планер или радиоуправляемый вертолет собственноручной Димкиной сборки. Младший Громов был фанатом авиамоделизма и не упускал ни единой возможности опробовать свои аппараты в действии.

В общем, в домашней обстановке эти детские крики встревожить «мамолю» не могли, максимум – раздосадовать. Но ведь блондинчик предположил, что ее ребенок потерялся! И, хотя Оле трудно было представить, каким образом мальчик, от порога до порога сопровождаемый профессиональным охранником, мог потеряться, она все-таки разволновалась.

Призывные крики «Мамоля, мамоля!» доносились из большой черной машины, с великолепным пренебрежением к нуждам пешеходов припаркованной поперек тротуара, да еще и с приоткрытыми дверцами.

«Должно быть, автомобиль без кондиционера», – машинально подумала рассудительная Ольга Пална.

Обязательную борьбу с южным солнцем владелец транспортного средства повел неграмотно и лениво, ограничившись тем, что густо затонировал стекла.

На бегу присматриваясь к потемкам автомобильного салона, Ольга прищурилась и... споткнулась.

– Ку-да! – вовремя подхватил ее, заваливающуюся на бок, одинокий курильщик у забора.

– Простите, – автоматически извинилась Оля, нетерпеливо выдергивая локоть из мягкого захвата.

Галантный кавалер падучую даму не удерживал, наоборот, подтолкнул ее в нужном направлении – к автомобилю.

Заранее пригибаясь, Оля потянула на себя дверцу, но взглядом внутрь не ограничилась, с разбегу сунулась в салон до пояса. Нижняя ее половина при этом осталась за бортом, но ненадолго.

Неожиданно сильный толчок в поясницу забросил ее в машину целиком – и опять ненадолго!

Обожженная кожа болезненно реагировала даже на прикосновение невесомой марлевой кофточки, а уж от плотного контакта с крепкими мозолистыми руками Ольгу Павловну тряхнуло, как от удара током.

Это действительно было больно!

Оля взвыла и, спешно уводя свои чувствительные тылы от соприкосновения с грубой реальностью в виде чужих рук, непроизвольно рванулась вперед. Сквозь слезы она увидела за окошком метнувшуюся навстречу тень, ударилась головой и плечом в незапертую дверь

и вывалилась из машины с другой стороны – под ноги подбегающему человеку и прямо на лежащего кота!

Баловня судьбы и Варвары – хвостатого тезку Робертино Лоретти – никогда еще так не обижали.

Жуткий животный вопль вздыбил ветви деревьев и забросил в будки сторожевых собак. С поздних яблонь посыпались плоды.

У людей, не страдающих тотальной глухотой, упало сердце.

Олю, из-под которой ударила эта звуковая волна, слегка подбросило.

Кот взметнулся с земли прямо из положения лежа и, не переставая орать, унесся прочь.

Выглядел он при этом не только неповрежденным, но как бы даже усовершенствованным, ибо скорость передвижения в считанные секунды развил такую, при которой его лапы зрительно расплылись в колеса с темными спицами.

Но Ольга этого зрелища не увидела.

Варварин кот был хоть и крупным, но все же недостаточно большим для того, чтобы полноценно уберечь от ушибов девушку не самого субтильного сложения.

При падении Оля неудачно стукнулась головой о бетонный бордюр и отключилась.

– Что, правда?! – воскликнула Люсинда с радостным изумлением провинциальной модницы, угодившей на тотальную распродажу в большом торговом центре. – Нет, серьезно, вы не шутите?!

– Деточка, я всегда серьезна и никогда не шучу, – авторитетно произнес низкий хриплый голос, по которому невозможно было определить, представителю какой половины человечества он принадлежит – прекрасной или сильной.

«Очень сильно прекрасной», – опасливо пробормотал Олин внутренний голос, оценив зрелище, открывшееся ей сквозь щелки робко приоткрытых глаз.

Старушенция напротив была похожа на Бабу-ягу, какой ее нарисовал бы добросовестный иллюстратор детских сказок в позапрошлом веке – в простодушные времена, не облагороженные обязательной толерантностью.

Бабуся, восседающая в инвалидной коляске, была одноглазой горбатой карлицей с шишковатой бородавкой на кривом носу.

Деликатно назвать ее маленькой дамой ограниченных возможностей с дефектами зрения и кожи Оля, несмотря на присущий ей обычно такт, не смогла даже мысленно. Не позволяли яростный стальной блеск в одинокой глазнице и резкие, точные движения хищных пальцев, которые разбрасывали по столу игральные карты, а могли бы – это как-то сразу чувствовалось – без промаха метать в цель дюже острые ножи.

«Дюже острые» – это само собой всплыло в памяти дипломированного филолога.

Бабка четко ассоциировалась с темными веками и замшелым фольклором.

Вкруг чела ее затейливой рамочкой сами собой просились низки и связки сушеных лягушачьих лапок и жутковатых корешков. На заднем плане были бы в высшей степени уместны растрепанная метла с отполированной рукояткой, закопченный очаг с тошнотворно булькающим варевом в помятом котелке и прохаживающийся туда-сюда желтоглазый черный кот.

– А где же кот?

Оля вспомнила последнее, что она видела до того, как очнулась в компании бабки-ежки.

– Очухалась, болезная? – обрадовалась Люсинда.

Оказывается, она помещалась справа от бабки («Одесную», – перевел на актуальный древнерусский Олин внутренний голос) и, судя по формулировочке, тоже прониклась колоритом ведьминого логова.

– А Димка где? – Оля вспомнила важное. – Где Димка?!

– У-у-у, совсем плохо дело, головой повредились наша девка, не туда мы ей компресс налепили, – нахмурилась Люсинда. – Клара Абрамовна, у вас есть лед?

– У тети Клары все есть, – кивнула старуха, едва не клонув носом столешницу. – Лед есть, спирт есть, мята в огороде есть... Деточка, умеешь ли ты смешивать коктейли?

– Нет. Научите? – азартно обнадежилась Люсинда.

– Люда, где Дима?! – Оля закричала, прерывая это бредовое представление. – Я ясно слышала его голос!

– Не тревожься, деточка, я тоже часто слышу голоса, – успокоила ее ужасающая Клара Абрамовна. – И у меня тоже это началось уже в зрелом возрасте.

– Да мне всего тридцать четыре! – машинально обиделась Оля.

– Еще не все потеряно, – сказала бабка, ловким пируэтом уводя инвалидное кресло прочь от стола. – Люся, детка, иди за мной, ты принесешь поднос с напитками!

«Яду мне, яду!» – строго в тему крепких напитков простонал Олин внутренний голос.

– Не скучай, мы быстро! – подмигнула подружке Люсинда, срываясь со стула.

– Заскучаешь тут.

Оля хмыкнула и обвела опасливым взором сумрачную комнату, единственное окно которой было плотно закрыто пыльными бархатными портьерами.

Невысокие потолки и неровные, в разводах зернистой голубоватой побелки стены саманной хаты интригующе контрастировали с дорогой старинной мебелью в благородных завитушках. Вероятно, бабушка-яга знавала лучшие времена.

– Не иначе, Бидермейер? – недоверчиво пробормотала Оля, рассмотрев стул, освобожденный Люсиндой.

Потом она пощупала кружевную скатерть, присмотрелась к подсвечникам на комод и опознала шкаф:

– Никак Чиппендейл?

– Да, Чип и Дэйл спешат на помощь! – бодро откликнулась Люсинда, возникая на пороге с подносом, на котором гордо высились высокие запотевшие стаканы. – Выпьем, добрая подружка, бедной юности моей!

– Выпьем с горя. Где же кружка? Сердцу будет веселей, – автоматически подхватила избитую цитату русичка Ольга Пална. – А какое у нас горе?

И она снова заволновалась:

– Люда, так где же Димка? Я его слышала, но не видела! Что тут происходит?

– Ну, что? Обыкновенное дело: тепловой удар, слуховые галлюцинации, обморок, спутанное сознание.

Люсинда поставила поднос на стол и без промедления оделила подружку стаканом:

– Пей! Клара Абрамовна сказала, тебе это будет полезно.

– А кто такая эта Клара Абрамовна? И почему мы тут сидим и пьянствуем?

Оля осторожно пригубила зеленоватое пойло.

– Хм, вкусно... Что это?

– Мохито по-деревенски: вместо рома коньячный спирт с винзавода на соседней улице, вместо лайма белая слива и долька зеленого помидора с собственного огорода Клары Абрамовны, – доложила Люсинда, со вкусом прихлебывая. – Эта бабушка просто волшебница, у нее есть рецепты на все случаи жизни. Кстати, как твоя спина, уже лучше? Тетя Клара намазала ее своей болтушкой.

– Какой еще болтушкой?

Оля прислушалась к своим ощущениям.

Спина и впрямь болела намного меньше.

– Болтушка – это такая масляная смесь на кислом молоке, рецепта не знаю, – объяснила Люсинда. – А на первый из твоих вопросов отвечаю: Клара Абрамовна – хозяйка домовладения, у калитки которого ты рухнула в пошлый обморок.

– Какой еще пошлый обморок? Не было у меня никакого обморока! – возразила Оля. – Я просто пошла вымыть руки, услышала Димку, полезла за ним в машину, вывалилась из нее с другой стороны, ударилась об асфальт головой и потеряла сознание!

– Действительно, просто! – съязвила Люсинда. – Прямо-таки элементарно! Слушай, подруга! Если, по-твоему, это нормально – слышать голоса и гоняться за невидимками, то лучшей компании, чем Клара Абрамовна, тебе не сыскать. Она, между прочим, ясновидящая в шестом поколении!

– Жаль только, что фамильный дар почти иссяк еще у моей бабушки, – сообщила, въезжая в комнату, хозяйка. – Мамочка моя дорогая уже только на картах гадала, а мне и вовсе крохи таланта родового достались, но это все же лучше, чем совсем ничего. Есть, чем на кусочек хлеба заработать бедной бабушке.

С этими словами бедная бабушка переставила со своих коленок на стол изящную серебряную корзинку с дорогим французским печеньем.

– Я в предсказания не верю, – вяло сообщила Оля, отпивая мохито.

– Только в голоса и в невидимок! – хохотнула Люсинда, с удовольствием прихлебывая из своего стакана. – Клара Абрамовна, а какой он – мой принц? Блондин или брюнет?

– Не знаю точно, не вижу. Вроде темненький.

– А молодой или старый?

– Вроде средних лет.

– Красивый?

– Ну, уж это кому как!

– Мне понравится, – уверенно кивнула Люсинда. – Раз он принц – он мне какой угодно понравится, даже фиолетовый в крапинку!

– Вы это, вообще, о чем? – спросила Оля, переводя озадаченный взгляд с подружки на хозяйку.

Клара Абрамовна остро щурила единственный глаз, как бы всматриваясь в неведомые дали.

Люсинда мечтательно жмурилась и улыбалась, как кошка.

Обеих хотелось немедленно направить к хорошему окулисту.

– Клара Абрамовна сказала, что меня ждет скорая встреча с принцем! – похвасталась Люсинда. – И я найду его под южным небом, представь, как романтично!

– Та-а-ак, – протянула здравомыслящая Ольга Пална.

Мысленно она уточнила направление: не к окулисту им, а к психиатру!

– Я думаю, нам пора. Давай-ка, Люся, поблагодарим уважаемую Клару Абрамовну за гостеприимство и пойдем потихонечку восвояси.

Поскольку уважаемая Клара Абрамовна гостей не удерживала, они распрощались и тихим ходом – у Оли еще кружилась голова – двинулись в цивилизованную часть города, к своему отелю.

Люсинда, воодушевленная перспективой скорой встречи с принцем, была оживлена даже сверх обыкновенного. Она вертела головой и перед каждой калиткой замирала, как сторожевой суслик, вставая на цыпочки. Как будто ожидала увидеть своего августейшего суженого в одном из палисадников – с поливальным шлангом в одной руке и дымящей сигарой в другой, в ситцевых трусах по колено и летней солнцезащитной короне с козырьком. Или с выбивалкой для ковров, выколачивающим пыль из распыленной на веревках горностаевой мантии.

Дворовые собаки матримониальные планы Люсинды откровенно не одобряли, нелестно облаивая ее низкими голосами. Проезжающие мимо машины с чернявыми потомками князей из окрестных аулов призывно сигналили.

Оля хмурилась, очень недовольная всем происходящим, но более всего тем, что она стала слышать голоса.

Вообще-то она и раньше слышала некий внутренний голос. Обычно он наставлял, поучал, подсказывал, порой язвил, но всегда помогал Ольге Палне взглянуть на ту или иную ситуацию со стороны и этим был полезен. Был ли то пресловутый голос совести или, как говорят психологи, ее внутренний ребенок, особого значения не имело.

На сей раз ребенок совершенно точно был внешний!

Тепловой удар, конечно, объяснял и галлюцинации, и потерю сознания, и все же Оле было тревожно.

Не очень-то приятно думать, что сходишь с ума!

С трудом дождавшись восемнадцати часов – завершения официального трудового дня, она позвонила вечно занятому Громову, чтобы спросить его, все ли в порядке с Димкой.

Все было в норме, не считая несправедливой, как единодушно решили родители, двойки по рисованию.

Творческое задание проиллюстрировать загадку «Зимой и летом одним цветом» младший Громов выполнил очень по-своему, нарисовав негритенка, тогда как учительница хотела видеть только елку. А Димка к тому же имел неосторожность с косной училкой заспорить, обозначив дополнительные варианты: индеец и китаец.

– Двойка за широту мышления – это безобразие! – возмутилась Оля. – Вот я вернусь, поговорю с этой учительницей рисования!

– Кстати, о тебе. Ты как там? – спросил любимую половинку старший Громов, чутко уловив избыточную взвинченность родного голоса.

– Уснула на пляже, обгорела на солнце, получила тепловой удар, спина болит, сознание спутанное, – честно призналась удрученная половинка.

– А ночью ты что делала, если на пляже уснула? – без пяти минут олигарх мгновенно выхватил суть и построжал.

– Плясала в ночном клубе, – покаялась Оля.

– Догадываюсь, чья это была затея, – сердито засопел супруг. – Возможно, пора оградить тебя от дурного влияния? Мы можем приехать хоть завтра. Я свалю дела на зама, а Димка с удовольствием прогуляет школу, где не ценят его креативность.

Несколько секунд Оля обдумывала это заманчивое предложение.

Провести несколько дней с мужем и сыном на курорте было бы очень приятно. Вот только Люсинда непременно обидится и рассердится, потому что останется в одиночестве, чего она никак не планировала. А рушить тщательно построенные планы Люсинды – это социально опасно, потому что радиус поражения обломками может оказаться уж очень широким.

Да и не по-товарищески это.

– Ладно, тогда мы будем ждать тебя дома, – выслушав эти доводы, согласился Громов. – Только ты уж постарайся вернуться целой и невредимой, хорошо? Не надо больше спать на пляже.

– Не буду.

– И в клубах ночевать не надо!

– Тоже не буду.

– Тогда целую тебя, пока!

– Пока.

Оля выключила трубку, вздохнула и поискала глазами Люсинду, от которой за приватным разговором незаметно отстала.

Люсинда грудью лежала на фанерной стойке хлипкой постройки, гордо названной Информационным пунктом.

Грудь у Люсинды была не так, чтобы очень – второй размер, но напирала она ею на прилавок столь мощно, что непрочное сооружение мучительно скрипело. Украшенные невыразительными фотографиями жидких водопадов и малогабаритных пещер рекламные листовки

экскурсбюро трепетали, как флажки на ветру. Невзрачная тетенька в окошке растопырилась, упираясь в стены будки, как кукушечка в ходиках.

– А можете отметить на карте, где этот дворец? И как туда добраться? – нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, допытывалась Люсинда.

– Откуда вдруг такая жажда знаний? – пробормотала Оля с недоумением, которое было вполне обоснованно.

До сих пор Люсинда не проявляла ни малейшего интереса к местным достопримечательностям, за исключением пляжей, заведений общепита и индустрии развлечений.

Все Олины предложения посетить руины старой крепости, совершить конную прогулку в горы, пройти по укромным уголкам сочинского дендрария Люсинда отвергала, повторяя, как мама дяди Федора из мультфильма про Простоквашино:

– Ты что?! У меня четыре платья есть вечерних шелковых, а надеть их некуда!

Судя по объему чемоданов, Оля подозревала, что запас парадного обмундирования у подружки гораздо больше, чем четыре единицы. Она приготовилась к тому, что выгул вечерних платьев затянется до конца командировки. И вдруг – нате вам, Люсинду потянуло на экскурсию! На волю, в пампасы!

– Нас одолело беспокойство – охота к перемене мест? – слегка переиначив Грибоедова, поинтересовалась Ольга Пална у подружки. – С чего бы это вдруг?

– А вот с чего. Видала?

Обернувшись, Люсинда потыкала безупречным ногтем в одну из бумажек экскурсбюро.

– «Гагра – курорт принца Ольденбургского»! Принца, соображаешь? И, между прочим, это совсем рядом, каких-то полсотни километров.

Она томно вздохнула, сложила руки в замок и глубоким грудным голосом произнесла:

– Мы встретимся под южным небом!

– С кем? – Оля захихикала. – С принцем Ольденбургским?

Люсинда отмахнулась от нее.

– Вот с этим самым Александром Петровичем?

– С Сашей, – мечтательно повторила Люсинда.

– Тысяча восемьсот сорок четвертого года рождения? – продолжала веселиться эрудированная Оля.

Люсинда нахмурилась. Она пошевелила губами, производя арифметические вычисления, и расстроилась:

– Ему сто шестьдесят девять лет?!

– Было бы, будь он чемпионом среди кавказских долгожителей, – трясаясь от смеха, согласилась Оля. – Как ты понимаешь, того принца давно уже нет в живых, так что он совершенно точно не твой суженый!

– Ладно, – Люсинда коротко выдохнула и отклеилась от изрядно расшатанной будки. – Тогда будем еще искать!

– Такого же, но с перламутровыми пуговицами! – радостно всхрюкнула Оля.

Люсинда посмотрела на нее с подозрением.

– Не нравится мне твое веселье, – сказала она. – Нездоровое оно. Очень похоже на истерику! Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да больная она, на всю голову больная! Совсем психическая! – высказал свое мнение по заданному вопросу гражданин, которого вообще-то никто не спрашивал.

Впрочем, он и не был услышан, поскольку находился в большой черной машине, медленно ползущей вслед за подружками на расстоянии полутора кварталов.

Гражданин, несправедливо посчитавший умную и разумную Ольгу Павловну Романчикову «совсем психической», злобно сплюнул в открытое окошко.

– А что ты хочешь от жены миллионера, Борис? – невозмутимо полируя ногти бархатной тряпочкой, отозвался его товарищ – хрупкий голубоглазый блондин.

У него было лицо шкодливого херувима.

– Они ведь только на дурах и женятся! Сам подумай, зачем миллионеру нормальная жена? – риторически спросил блондин. – Еду ему готовят повара, стирает и убирает прислуга, детей воспитывают няньки и гувернантки. Жена ему нужна для украшения, ну и как постельная принадлежность, а мозги в этом деле иметь совсем необязательно.

– Украшение из нее тоже так себе, – проворчал суровый Борис, потихоньку нажимая на газ, потому что преследуемые ими душеньки-подруженьки заметно ускорились.

– А вот тут ты, Боря, к нашей девушке несправедлив, – не согласился его приятель. – Девушка у нас ничего, симпатичная, а ноги у нее совершенно замечательные.

– Когда это ты, Лелик, успел рассмотреть ее ноги? – удивился Борис, с отвращением посмотрев на длинное, в пол, холщовое платье, которое больше подошло бы скромной поселанке, чем жене богача.

– А когда она сквозь машину летела в вихре юбок! – с удовольствием вспомнил блондин.

Выглядел он как типичный представитель сексуального меньшинства, но женщин любил, о чем они, как правило, не догадывались.

По паспорту блондин звался мужественно – Андреем Андреевичем, а в кругу друзей откликался на прозвище Лелик, что было производным от красивого женского имени Лолита. Так его окрестили за ангельскую внешность и умилительную привычку в минуты отдыха лежать на животе, болтая в воздухе стройными ножками со ступнями тридцать шестого размера – точь-в-точь, шаловливая крошка на полянке с ромашками.

– Кстати, о машине, – хмурый амбал Борис нервно побарабанил по рулю пальцами в полупрозрачной обертке тонких латексных перчаток. – Не пора ли ее вернуть?

– Верни, – с легкостью согласился Лелик, пряча бархотку в карман. – А я наших девушек провожу. По всему видно, они до дому, до хаты нацелились. Если куда и выйдут потом, то не скоро: пока душик примут, пока нарядятся, пока мордашки нарисуют... Думаю, часа два у нас есть.

– Встретимся там же? – притормаживая, чтобы высадить товарища, спросил Борис.

– На том же месте, в тот же час!

Лелик глубоко нахлобучил на голову панамку в простодушных цветочках и превратился в типичного пацаненка.

– Отлично выглядишь, я б тебе больше десяти лет не дал! – басовито хохотнул Борис.

– Типун тебе на язык, какие десять лет? Что мы такого сделали? – простодушно похлопал ресничками блондин, с удовольствием наблюдая, как с румяной физиономии его дюжего приятеля сползает ехидная улыбка. – Пока только на дядиной машинке покатались, а это больше, чем на два года, не тянет.

– Типун тебе на язык! – повторил Борис и перегнулся через опустевшее кресло, чтобы захлопнуть дверцу.

Даже будучи в сердцах, он сделал это мягко: чужая машина была новой, красивой, дорогой, и портить ее Борису не хотелось.

Авось неведомый «дядя» и не заметит, что на его тачке покаталась парочка предприимчивых пацанов.

Но на это надеяться не стоило, пацаны не заметили длинную царапину, которую оставил на заднем сиденье чужой машины неприлично большой бриллиант кольца сумасшедшей жены олигарха.

Кот Робертино не вернулся.

Варвара и не ждала, что он найдется сам.

Она искренне считала своего Бертика самым необыкновенным из выдающихся котов современности, но понимала, что многолетнее заключение в городской квартире притупило его здоровые животные инстинкты. Вряд ли избалованный домашний кот сможет сориентироваться на незнакомой сельской местности.

На поиски любимца Варвара выдвинулась сразу же после того, как помогла занести в дом припадочную дуру, так напугавшую несчастного Бертика. Со стороны Варвары это было проявлением редкого гуманизма. Кошачью обидчицу ей хотелось прибить на месте, чтобы так и лежала в пыли под забором, пока черные вороны не расклюют ее белые косточки!

Вообще-то Варвара была женщиной доброй, спокойной, не склонной к жестокости и опасным авантюрам. Исчезновение дражайшего Бертика превратило ее в злобную фурию.

Не обретя возлюбленного кота своего в ходе затянувшейся пробежки по окрестным улицам, Варвара решительно подступила к тете Кларе с категорическим требованием:

– Скажи мне, где мой кот?!

Клара Абрамовна была стальной старой леди, способной дать сто очков вперед легендарным цельнометаллическим мужикам вроде Железного Дровосека и Терминатора.

Люди, приходившие к гадалке за помощью, вели себя по-разному. К мольбам о помощи закаленная Клара Абрамовна относилась либо безразлично, либо снисходительно – в зависимости от настроения, угрозы высокомерно игнорировала, попытки давления принимала в штыки, выбрасывая грубиянов и невеж из своего домика одним выразительным взглядом.

Любую другую нахалку, дерзнувшую сцапать ее за отворот халата, старуха наладила бы прямо в ад одним непоправимым проклятием, но Варвара приходилась ей внучатой племянницей, а родную кровь Клара Абрамовна уважала.

– Во-первых, убери руки с моего воротника! – холодно сказала она, надеясь остудить вскипевшую племянку. – Вот так, теперь сядь. Сядь, я сказала! Я ничего не вижу, когда ты мечешься передо мной, точно ошпаренная кошка.

– О-о-о, – простонала Варвара.

Одно упоминание о кошке моментально вывело ее из равновесия.

– Мой бедный котик, где ты, где?! Ты голодаешь и скитаешься!

Мысленным взором сквозь слезы она видела своего Бертика. Отощавший, немывтый, нечесанный, весь в репьях, кот понуро брел по пыльному шляху, на обочинах которого толпились злые дети с камнями, а в овраге затаились разбойники-живодеры.

– Сядь, – повторила старуха чуть мягче.

Она двинула кресло вперед, подталкивая Варвару к дивану, потом съездила в кухню и привезла стакан воды.

– Я тут на мягком сижу, а ты, мой бедный Бертик! – снова взывала Варвара, воображая себе путаные кровавые следы, оставляемые на твердом асфальте стертыми и заплетающимися кошачьими лапами.

– Все в порядке с твоим Бертиком! – гаркнула Клара Абрамовна.

– Ты это видишь? – обнадеженная Варвара вскинула глаза и попыталась молитвенно сложить ладони, расплескав воду из стакана.

– Это вижу, – буркнула старуха, возвращаясь на свое обычное место у стола. – Но без подробностей! Сейчас с твоим котом все нормально, и ничего страшного с ним не случится.

– Но где же он?

– А вот этого я не вижу.

– Так как же мне его найти?

– Как, как...

Беззвучно шевеля губами и трясая головой, Клара Абрамовна быстро раскинула карты, присмотрелась, затейливо выругалась по-французски и снова собрала колоду.

– Ну? – Варвара вытянула шею.

– Что – ну? Я совершенно не представляю, как гадать на котов!

Старуха раздосадованно передернула плечами.

– Ладно, твой Бертик черной масти. Предположим, он трефовый валет. Но ты видишь, что выпадает тому валету? Две дамы, бубновая и червовая, а ты у нас кто?

– Всегда была трефовой, – огорчилась Варвара.

И тут же просияла:

– А я перекрашусь! Я ради Бертика что угодно сделаю. Я обесцвечусь, поставлю светлые линзы и буду типичная бубновая дама!

– Варвара, детка, что ты говоришь! – воскликнула старуха. – Карты не обманешь, они же суть знают, а ее не изменишь, хоть ты в негритьянку перекрасься!

– Так что же мне делать?

– Что делать, что делать...

Старуха снова проворно раскинула карты, потерла здоровый глаз, почесала бородавку на носу.

Склонила голову к плечу, поцокала языком, сделала над столешницей пару пасов.

На секунду ее руки замерли, потом стремительно нырнули вниз.

Раздался торжествующий орлиный клекот, и победно улыбающаяся Клара Абрамовна оттолкнула кресло, разворачиваясь к Варваре.

– Вот!

– Что – вот?

Клара Абрамовна потрясла в воздухе картонкой с острыми углами.

– Рыжая девочка оставила ее в надежде, что я еще что-нибудь вспомню о ее принце, – усмехнулась старуха. – Она номер свой тут написала и имя, видишь? «Людмила». Иди к ней, Варя, к этой Людмиле и ее подруге. Вижу я, они тебе помогут.

– Людмила и Ольга, – вспомнила Варвара, и губы ее сжались в суровую ниточку.

Именно из-за припадочной подруги Людмилы – Ольги бедный и несчастный Бертик скитался сейчас неведомо где, подвергая свою холеную бархатную шкурку бесчисленным опасностям бродячей жизни.

Будет только справедливо, если припадочная Ольга поможет найти пропавшего по ее вине котика!

Может быть, тогда мстительная фурия Варвара не отдаст ее белые косточки черным воронам.

– Так, и куда мне идти?

Варвара решительно потянула из артритных пальцев тети картонную визитку отеля.

Их номер в пентхаусе романтично назывался «Седьмое небо».

Для обитающих на небесах в отеле был отдельный лифт, и воспользоваться им без специального ключа не представлялось возможным.

Люсинду это обстоятельство очень радовало, потому что позволяло регулярно красоваться перед простыми смертными, следуя через просторный беломраморный холл с ключом на изготовку – так, чтобы все видели: вот идет небожительница!

Олю, чуждую показухи, подружкина демонстрация смущала, и она охотно отстала бы от спутницы, но уже знала, что получится только хуже. Достигнув лифта в одиночестве, Люсинда не уедет одна, а застопорит зеркальную кабину и уже из нее будет призывать подругу криками, способными привлечь внимание всех, кто не глух, как пень.

Всем, кто не слеп, она к тому времени успеет посверкать своим золотым ключиком.

Благословив их вознесение громким гагаринским «Поехали!», Люсинда запрокинула голову и закачалась, как кобра на хвосте.

– Прекрати, пожалуйста, – досадливо попросила Оля. – Никак не наиграешься? Хватит уже.

– Почему – хватит? Это же бесплатная комната смеха, – Люсинда с детским интересом смотрелась в зеркало на потолке.

Кривое, оно отражало действительность избирательно. Посмотришь с одной точки – увидишь двух пассажиров, посмотришь с другой – узришь одну. Или, еще веселее, одну целую, с нормальной головой, и одну сильно урезанную, с вытянутой тыковкой на плечах, похожих на палочки.

С тыковкой на палочке Оля себе очень не нравилась.

В просторном номере было светло и прохладно.

– Так! Мне нужна подсказка! – объявила Люсинда, падая в кресло с планшетом.

– А мне подушка, – пробурчала ее подружка, удаляясь к себе.

Спальни у них, слава доброму богу и щедрому Громову, были отдельные, так что меланхоличная Оля хотя бы ночью могла отдохнуть от энергичной Люсинды.

Хотя для полноценной изоляции от последней больше подошел бы уединенный бетонный блиндаж со свинцовой крышей.

– Так, смотри, что у меня есть! – бесцеремонная подружка ворвалась в Олину спальню с планшетом. – «Холостые принцы в поиске» – это я в Интернете нашла. Вот, послушай: «Рыжеволосый британский принц Гарри известен своими эксцентричными выходками – на одну из костюмированных вечеринок он нарядился в форму нациста, а однажды был сфотографирован возвращающимся из ночного клуба с ногтями ярко-розового цвета».

– Странный парень, – сухо прокомментировала Ольга Пална, взбивая подушку.

– Пожалуй, – согласилась Люсинда. – Тогда этот: «Шведский принц Карл Филипп, обладающий эффектной внешностью кинозвезды, недавно расстался с подругой, с которой встречался более десяти лет». А? Перспективно же, правда?

– Ну, не знаю, – усомнилась Ольга Пална, зевая в кулак. – Внешность кинозвезды – это, по-моему, слишком.

– Ладно, пойдем дальше. «Старший сын принцессы Монако Каролин Андреа Казираги известен как международный плейбой». Любит, значит, девушек!

– А надо, чтобы любил одну тебя! – наставительно сказала Ольга Пална, забираясь под покрывало.

– Тогда следующий: «Младший сын неправящего греческого короля Константина и королевы датской Анны-Марии принц Филипп не держится за мамину юбку. Он закончил Джорджтаунский университет и своим домом называет Нью-Йорк».

– Принц без двора, – скривилась Ольга Пална, укладывая щеку на ладошки, сложенные корабликом. – Считаю, бездомный!

– Ты придираешься, – укорила ее Люсинда.

– Мы в этих принцах, как в сору роемся, – пробормотала Ольга Пална, закрывая глаза.

– В Интернете только один свободный принц остался, вот: «Бельгийский принц Амедео выбрал военную службу и закончил Королевскую военную академию», – дочитала Люсинда. – Что скажешь?

– Будешь скитаться с ним по гарнизонам, – напроорочила Ольга Пална и тихо всхрипнула.

– Все, холостые принцы кончились, – вздохнула Люсинда, закрывая планшет.

Она ушла, и Оля задремала, но даже во сне не могла избавиться от ощущения, что за стеной вихрится, постепенно разрастаясь, небольшое торнадо.

Люсинда пугающе пылко загорелась идеей обрести обещанного ей принца в кратчайшие сроки и наверняка уже набрасывала план широкомасштабных поисков.

Шорохи со стороны протяженной террасы наводили на мысль, что кое-кто выгуливается по ней не просто так, а с конкретной целью и даже с настоящей подозрительной трубой, обшаривая

морские и сухопутные дали на предмет обнаружения яхты под королевским штандартом или лимузина с кортежем мотоциклистов.

На самом деле, так оно и было. Только вместо подзорной трубы у Люсинды был морской бинокль, привезенный ею на курорт, чтобы без помех любоваться закатами поверх голов отдыхающих, ежевечерне толпящихся на набережной.

К сожалению, из четырех сторон света вперёдсмотрящей с биноклем была доступна для обозрения всего одна – южная. Остальные направления могли с комфортом созерцать постояльцы других VIP-апартаментов. Всего их было четыре, их персональные террасы опоясывали верхний этаж сплошной галереей, разделенной по углам перегородками.

Люсинда со скрежетом отодвинула в сторону тяжелый керамический горшок с небольшим деревцем и внимательно рассмотрела преграду.

Перегородка была выполнена из благородного мореного дуба. Широкие толстые доски тянулись от плиточного пола до каменного потолка, производя впечатление конструкции крепкой и цельной. Однако пытливый взор Люсинды, не поленившейся отвести в сторону украшающие перегородку искусственные выюнки, обнаружил на одной из досок круглую медную бляшку, оказавшуюся замочной скважиной с крышечкой.

Перегородками со слегка замаскированными дверями вместо прежних, глухих, администрация отеля оснастила апартаменты после визита арабского шейха, обремененного большим семейством со множеством жен и детей.

Тот арабский многоженец снял весь пентхаус целиком, его многочисленные подруги и потомки заняли все четыре VIP-номера, и им было очень неудобно перемещаться из апартаментов в апартаменты через первый этаж. К тому же то и дело выскакивающие из частных лифтов на простор общего холла резвые голоногие детки, преследуемые пирамидальными фигурами в черном с головы до ног, изрядно беспокоили других постояльцев.

Сразу после отбытия шейха с чадами и домочадцами кирпичные перегородки разобрали и заменили на деревянные с дверками. В конце концов, это было полезно и с точки зрения пожарной безопасности.

Новые выходы исправно отразили на висящем у лифтов поэтажном плане, но, поскольку важные постояльцы до этого сомнительного произведения искусства не снисходили, для большинства из них наличие сообщения между номерами оставалось тайной.

А вот Люсинда в нее проникла и не собиралась останавливаться на достигнутом. Теперь она хотела проникнуть на соседнюю террасу.

Моральная сторона вопроса ее не беспокоила, а техническое решение проблемы нашлось в дамской сумочке.

Как у всякой уважающей себя современной девушки, ключей у Люсинды было много: два от квартиры, два от машины, по одному от гаража, почтового ящика, кладовки в подвале, двери на чердак, школьного кабинета, учительской...

К перегородке прекрасно подошел ключик от шкафчика в бассейне. Он-то, строго говоря, Люсинде не принадлежал, она унесла его из спортивного центра по забывчивости и не успела вернуть, потому что уехала в командировку.

– Что ни делается – все к лучшему! – радостно объявила Люсинда и бестрепетной рукой открыла дверь на чужую территорию.

В зарубежье царили тишина и покой.

Стеклянная дверь во внутренние помещения была закрыта и плотно задернута изнутри полотняными шторами. Компактно сложенная растопырочка для суши купальных принадлежностей стояла в углу. Никаких предметов быта, выдающих присутствие в номере постояльцев, Люсинда не увидела и на этом основании решила, что апартаменты пусты.

Значит, никто не помешает любознательной девушке обозреть в бинокль восточные пределы так же внимательно, как южные.

Она шагнула на чужую террасу, и тяжелая деревянная дверь подтолкнула ее в спину.
– Захлопнется! – сообразила Люсинда.

Если дверь захлопнется, нелегалка окажется в ловушке.

Тяжелую связку ключей она оставила на своей стороне, а возвращаться за ней поленилась, поэтому гениально решила возникшую проблему не сходя с места.

В углу террасы высилась на диво аккуратная куча стеклотары – не иначе, осталась после постояльцев. Мельком подивившись тому, что персонал не разобрал эту конструкцию при заключительной уборке номера, Люсинда осторожно, чтобы не обрушить всю горку, сняла с ее края квадратную бутылку из-под виски. Благодаря своей форме она была очень устойчива и весила заявленные 0,7 литра плюс стекло, поскольку оказалась под самую пробку наполнена водой.

То, что надо, чтобы подпереть закрывающуюся дверь! Лучше был бы только простой силикатный кирпич.

При желании неугомонная Люсинда добыла бы и кирпич, но она не страдала перфекционизмом. Бутылка так бутылка, вопрос решен, надо двигаться дальше.

С помощью бутылочного стопора обеспечив себе путь к отступлению, Люсинда приложила к глазницам окуляры бинокля и изучила ближние и дальние подступы к отелю с восточной стороны.

Много времени это не заняло – с востока принцы на белых конях город Сочи не осаждали.

Осталось изучить обстановку с севера и с запада.

Ей снова нужен был ключ, чтобы пройти на следующую террасу.

Пришлось вернуться на базу.

В полудреме Оля подумала было напомнить подружке, что некоторые особо коварные принцы прекрасно умеют маскироваться на местности, прикидываясь нищими, но решила подождать с этим, потому что не хотела вылезать из постели.

Кровать у нее была роскошная – в меру мягкая, в меру упругая и просторная, как футбольное поле...

Нежной пастушеской свирелью запел телефон.

Оля посмотрела на него с неудовольствием.

В огромном номере телефонные аппараты были повсюду, даже в туалете. В гостиной их имелось сразу два, по обе стороны протяженного дивана, а вот террасу, где как раз крутилась бессонная Люсинда, почему-то не телефонизировали вовсе.

Придется Ольге самой отвечать на звонок.

Очень неохотно она протянула руку, сняла трубку и голосом, в котором с легкостью угадывался кроткий укор, произнесла:

– Слушаю...

С такой тоскливой покорностью святой отец, утомленный чередой многословных исповедей, мог приветствовать покаяние сотого юбилейного грешника.

– Мамоля! Мамоля! – вслед за непонятными шорохами послышалось в трубке.

– Дима?!

Оля села в постели, свободной рукой энергично потерла лоб и засучила ногами, сползая к краю футбольного поля.

– Ма-мо-ля! Ну, мамоля же!!!

– Дима, я тебя слушаю, говори! – закричала Оля, нашивая ногами тапки.

Люсинда за стеной перестала шуршать – не иначе, услышала крики подружки.

– Туууу... Туууу... – издевательски загудел телефон.

Оля зачем-то заглянула в динамик, а потом еще и выбила трубку, как будто та была курительной.

Предполагаемый засор на линии от этого не исчез, пропавший голос не вернулся.

– Ты чего орешь? – в щель приоткрывшейся двери заглянула Люсинда. – Что с ребенком, мамаша, опять двойка?

– Я не знаю, – Оля забежала по комнате, собирая свои одежды.

Трубку она при этом на место не вернула.

– Димка зовет меня: «Мамоля, мамоля!», а что хочет мне сказать – непонятно!

– Теперь по телефону зовет, а не просто так, из космоса? – скептически уточнила Люсинда и отняла у подружки гудящую трубку. – М-да... Говоришь, это был Димка?

Она энергично почесала в затылке, потом подняла палец, очень веско сказала:

– О! – и убежала в гостиную.

– Что – о?

Оля порысила следом.

– О – это «определитель номера»! – объяснила Люсинда, изучая аппарат у дивана. – Видишь циферки? С этого телефона и поступил последний звонок. Сейчас узнаем, откуда именно.

Не долго думая, она отправила вызов на последний входящий номер и надолго замерла с телефонной трубкой, плотно прижатой к медленно краснеющему уху.

– Ну, что там? Что? – заволновалась Ольга.

– Что, где, когда, – пробормотала Люсинда. – Зачем, почему, кто виноват и что делать... Гудки там, вот что! Не снимают трубочку. А посмотри-ка, не знаком ли тебе этот номер?

Оля послушно посмотрела.

– Всего пять цифр – это местный. Неужели Громов все-таки приехал в Сочи?

– Неужели Романчикова все-таки съехала с ума? – передразнила ее подружка. – Ты два часа назад звонила мужу, и он сказал тебе, что с вашим парнем все в порядке. Он сидит в своей комнате, рисует, как велено, елку! Не могли они за это время сюда добраться, даже на самолете не могли, потому что вечерний рейс в Сочи еще даже не вылетел!

– Пусти меня!

Оля отпихнула подружку от телефона, забрала у нее трубку и короткой тревожной дробью настучала номер рецепции.

– Алло! Добрый вечер. Скажите, пожалуйста, у вас есть телефонный справочник?

Ласковый девичий голос заверил ее в том, что для дорогих клиентов у них есть все.

Сумма, заплаченная Громовым за номер в пентхаусе, позволяла причислить проживающих в нем к числу весьма дорогих клиентов.

– Отлично. В таком случае, запишите, пожалуйста, номер. Я хотела бы узнать, чей он.

Ласковый голос пообещал, что все выяснит и очень скоро.

– Соображаешь, – похвалила подружку Люсинда. – Значит, не совсем еще дурочка, есть надежда.

– Не-а, нет надежды, – переменяла она собственное мнение минуту спустя.

Любезная девушка с рецепции сообщила, что номер, интересующий дорогую гостью, принадлежит спортивному клубу «Катран», расположенному в цокольном этаже отеля.

– Это местный фитнес-центр, – вспомнила Люсинда. – Я видела вывеску с рыбой на входе в закрытый бассейн. Катран – это же рыба?

– Короткоперая колючая акула, – машинально подтвердила умница Ольга Пална и с подозрением посмотрела на телефон. – Люся! Как же это может быть, не понимаю? Каким образом Димка, который сидит в нашем доме за триста с лишним километров отсюда, звонит мне с телефона, который установлен в подвале вот этого самого здания?

– А никаким, дорогая, ни-ка-ким! Телепортацию, насколько я знаю, еще не изобрели.

– Ты хочешь сказать, мне снова померещилось? – расстроилась Оля.

Признавать себя хоть чуточку ненормальной ей упорно не хотелось.

– Я хочу сказать, что тебе нужно отдохнуть, – уклончиво ответила Люсинда.

– Отдохнуть – это хорошо, отдохнуть – это правильно, – забубнила Оля, оглядываясь в поисках своей сумки. – Но сначала – в бассейн! Хочу взглянуть на этот самый телефон.

– Думаешь, плиточный пол на подходах к нему будет утоптан мокрыми следами детских ног?

– Не язви.

Оля сунула ноги в спортивные тапочки и ловко собрала волосы, завязывая их в хвост.

Это однозначно выдавало подсознательную готовность к активному времяпрепровождению. К сожалению, обожженные тылы не позволяли Ольге Палне облачиться в наиболее подходящие для жизни, полной приключений, тесные джинсы и тугую майку. Хорошо еще, что она взяла в собой пару балахонистых платьев.

– Ты со мной или как?

– С тобой, конечно!

Люсинда вбила ноги в кроссовки, надела бейсболку, потрясла в воздухе руками, сцепленными в замок, и тут же испортила впечатление от этой демонстрации солидарности очередной ехидной репликой:

– Кто-то же должен присмотреть за больной!

– Танечка, спустись-ка на минус первый, гости из пентхауса жалуются, что их побеспокоил звонок из фитнес-клуба, – распорядился старший администратор.

– Быть того не может, там давно пусто, «Катран» работает до двадцати часов, – возразила дежурная, но все-таки встала со стула. – Пить надо меньше гостям из пентхауса...

– Это какие гости из пентхауса? Те, которые фикусы шампанским поливают? – спросила вторая дежурная, Верочка. – Или те, которые из бутылок «Джек Дэниэлс» сложили на балконе стеклянную пирамиду по фэньшю и категорически не велели ее разбирать?

– Так никто и не разбирает, – заволновался Валера. – Я же всех предупреждал: желание гостя для нас закон! Особенно, если гость из пентхауса!

– Их священную пирамиду никто и пальцем не трогает, не тревожьтесь, – успокоила начальника дежурная Таня. – Горничные даже пыль с нее не вытирают, чтобы волшебную ауру не смахнуть!

– А кто, в таком случае, жалуется?

– Новенькие, – удаляясь, ответила дежурная Таня. – Две лесбиянки из «Седьмого неба», они с бутылками не играют, вроде даже не пьют.

– Запьют, – уверенно предсказала дежурная Вера. – Кто в пентхаусе живет, добром не кончит.

– Думаешь, она второй раз купится на это? – сомневался Борис.

– Бог троицу любит, – отшутился Лелик, пряча в сумочку диктофон с записью детского голоса.

– Дай-то бог, – проворчал Борис.

– Борь, ну посуди сам. Представь, что ты любящая мать восьмилетнего сына. Представил?

– С трудом, – признался Борис.

– И вот твой сын тебя зовет. Как, куда, зачем – непонятно, но ты же мать, верно? Ты, как любящая нормальная мать, отложишь все вопросы на потом и поспешишь на зов.

– Так то я и нормальные матери, – проворчал Борис.

У него сложилось крайне нелестное представление о госпоже Громовой.

– Ох, ох, ох! – загудело эхо.

– Тише говори! – шикнул на товарища Лелик.

Акустика в полуподвальном помещении была замечательная – так и тянуло в полный голос заорать «О-го-го!» и надолго свести с ума отзывчивое эхо.

«Заодно и от страха избавился бы», – подумал Борис.

Днем, когда окна под потолком были открыты, в бассейне было свежо и светло, но ночью темное помещение с гладким зеркалом черной воды выглядело неуютно и даже пугающе.

Вкрадчивый шепот доносился из вентиляционного люка, зловеще капала вода в душевой.

Борис поймал себя на том, что ему хочется передвигаться пригнувшись и на цыпочках. Конечно, выглядело бы это странно, но он и так чувствовал себя дурак дураком, крадась вдоль бассейна с телефонным аппаратом на длинном шнуре. Героическая картина «Военный связист у водной преграды на линии фронта»!

– Дура она будет, если сюда полезет, – шептал он товарищу. – Я бы не полез.

– Трусишка Боря серенький! – в четверть голоса насмешливо напел Лелик.

– Че сразу серенький?

– Потому что побледнел от страха.

– Ни фига не побледнел! Тут просто темно, ты плохо видишь!

– Ишь, ишь, ишь! – всполошилось эхо.

– Тише! Поставь телефон на тумбочку.

Лелик посторонился и подсветил упомянутую тумбочку фонариком.

– Это тумбочка для прыжков в воду. Кто на нее ставит телефон?!

– Он, он, он! – загомонило предательское эхо.

– Тише ты! – зашипел блондин. – Ты ставишь, кто же еще! Лучшего места не найти, прикинь: когда откроется дверь, телефон с порога будет видно, а нас в тени вышки – нет. Девушка подбежит к телефону, и тут мы ее – р-раз! И схватим. Кляп у тебя?

– В кармане.

– Дай его мне, ты будешь девушку держать.

Оставив телефон на возвышении стартовой тумбы, они отступили под вышку для прыжков в воду.

Ждать пришлось недолго, каких-то десять минут, не больше.

Дверь, ведущая из бассейна в холл перед лифтами, широко распахнулась, и на ярком золоте прямоугольного проема отчетливо нарисовалась темная фигура. Она имела форму треугольника, что определенно выдавало одежду по женскому типу. Шотландцы в юбках в Сочи не ходили.

Фигура в юбке не мешкала, да ей и не нужно было определяться с направлением: протянувшаяся от порога дорожка света с прямым намеком уперлась в тумбу, увенчанную телефонным аппаратом.

– Цыпа-цыпа-цыпа, – зашептал Лелик, тиская в руках приготовленный кляп из махровой салфетки.

Глупая курица протопала к тумбе и наклонилась над телефоном.

Острый локоток блондина вонзился в бедро товарища, как шпора в лошадиный бок.

Повинуясь сигналу, Борис прынул вперед и одним скачком достиг порубежной зоны между кафельной сушей и водой.

Любимая курица олигарха, конечно, ничего подобного не ожидала.

– Ко... ко... – завохтала она, запоздало пугаясь, но Борис уже обхватил ее ручищами, не давая ни размахнуться, ни разогнуться.

Невысокому Лелику оказалось очень удобно сунуть кляп в открытый рот наклонившейся жертвы.

Дюжему Борису так же удобно было погрузить ее, согнутую, себе на плечо.

– Уходим! – скомандовал блондин.

– Дим, дим, дим! – жалобно заплакало эхо.

– С дороги! – шикнул на товарища ускоряющийся Борис.

Лелик послушно посторонился.

Дверь на спортивную площадку они отомкнули с полчаса назад – через нее и вошли. Это было несложно, замок в двери стоял такой, какой можно проволочкой открыть, что, вероятно, делалось уже не раз, если судить по царапинам на краске.

Лелик хотел было предупредительно распахнуть дверь перед нагруженным товарищем, но разогнавшийся Борис сам с ходу ударил в нее плечом, свободным от полонянки.

В этот самый момент кто-то не менее услужливый и более расторопный, чем Лелик, дернул на себя дверь снаружи.

– Й-е-о-о! – отчаянно выругался Борис.

Окончание вполне предсказуемой матерной реплики заглушил шум падения.

Лелик, не смекнув затормозить, споткнулся об упавшего товарища и тоже полетел, не успев даже выматериться.

Варвара, высоко подняв брови, с изумлением посмотрела на образовавшуюся кучу-малу.

В интерьере спортивной площадки куча выглядела странно, но не страшно – как ночной сеанс очень вольной борьбы в оригинальной категории «на троих».

– Ко...ко...го... черта?! – проквохтал женский голос.

Варвара выпустила ручку двери, через которую она намеревалась попасть в отель в обход парадного подъезда со швейцаром, и наклонилась над кучей.

– Что смотрите? Помогите! – сердито прикрикнула на нее растрепанная девица с размазанной помадой на лице и в униформе отеля на теле. – Или вы заодно с этими бандюками?

– Я не с ними, я сама по себе, – с достоинством возразила Варвара и протянула руку, помогая сердитой девушке подняться.

На груди счастливо освобожденной полонянки блеснула металлическая табличка с надписью «Дежурный администратор».

– Я вам помогу, вы – мне, – улыбнулась Варвара.

Администратор наверняка более важная персона, чем швейцар. Уж теперь-то в отель ее пустят!

– Черт, телефон не взяла, надо же охрану вызвать! – отбежав под ближайший фонарь, забормотала дежурная.

– Возьмите мой, – предложила любезная Варвара и оглянулась.

Непохоже было, что охрана успеет задержать «бандюков»: те уже отступали.

Белокурый Лелик, скрипя зубами, из которых один ощутимо шатался, с натугой тянул по тартановому покрытию слабо постанывающего Бориса.

– Брось, сестра, не донесешь, – обморочно бормотал тяжелораненый «военный связист».

Сергей Акопович Мамиконян владел небольшой торговой компанией, а мечтал о винодельне. Вина являлись его слабостью, которую нельзя уже было считать маленькой, потому как погреб в своей усадьбе Сергей Акопович соорудил такой, что по протяженности и совокупной площади помещений домашнее винохранилище могло конкурировать со знаменитыми подземными лабиринтами форта Святого Петра в голландской крепости Маастрихт.

Сергей Акопович как-то был там, в этом Маастрихте. Ничего особенного, если честно. Ну, могла у них в подземелье разместиться армия в пять тысяч человек, и что? У Сергея Акоповича в погребе когда-нибудь будет пять тысяч винных бочонков, а это куда позитивнее.

Несмотря на то что сердцем и душой Мамиконян всецело принадлежал виноделию, торговое предприятие его было вполне успешным и на местном рынке звучало достойно. А почему бы ему не звучать? Хорошее название, понятное и простое, проще некуда: «Коммерческая Компания». Для краткости – «КК» на письме, «Ка-Ка» в устной речи – только с ударением на втором слоге, а не на первом, уж пожалуйста.

На нехороших людей, некрасиво называвших его предприятие словом «кА'ка», Сергей Акопович очень сильно обижался. А обиды свои он считал необходимым и правильным на ком-нибудь вымещать, и тут уж годился всякий, попавший под горячую руку.

В жилах Сергея Акоповича текла кровь армянских князей, что, бесспорно, обязывало и награждать, и карать по-царски.

Он и карал.

– Саша-джан, дорогой, объясни мне одну нехорошую вещь, – сердясь и оттого особенно отчетливо «акая» и растягивая гласные, поздним телефонным звонком воззвал отдаленный потомок князей к своему заму, ответственному за все. – Почему заднее сиденье моего автомобиля порвано? Кто порвал, как порвал, почему порвал?! Я зачем машину с кожаным салоном купил, чтобы его кто-то порвал, да?!

– Кто порвал, как порвал, почему порвал? – испуганным эхом забормотал в трубку замороченный делами зам по тылу, фронту и всем флангам. – Я не в курсе, а вы уверены?

– Саша-джан, как я могу быть неуверены?

Сергей Акопович обиделся.

– Разорвано сиденье, да! Утром целое было, а вечером сажусь, смотрю – вай ме! – распорота кожа, как будто по ней кинжалом полоснули!

– А днем машина где была? Опять под ивушкой? – В голосе зама прорезался легкий намек на укоризну. – Я же вам, Сергей Акопович, уже сто раз говорил: не оставляйте вы машину за воротами, есть ведь у нас своя стоянка, и на ней для вас самое лучшее место оставлено.

– Вай, какое лучшее, а? – потомок армянских князей рассердился пуще прежнего. – На солнцепеке!

– Зато просматривается прекрасно, к машине муха не подлетит! А под вашей любимой ивушкой, конечно, тенечек, зато ничего не видно. Есть там машина, нет там машины – пока сквозь ветки не сунешься, не узнаешь! Ну, вот и попортили вам «бэху» какие-то уроды!

Саша-зам вздохнул, опомнился и добавил в голос сочувствия:

– Магнитулу-то не сперли?

– Ничего не сперли, только сиденье порвали, – Сергей Акопович тоже горестно вздохнул. – Вай, Саша-джан, нельзя это так оставлять.

– Нельзя, конечно, нельзя, – согласился верный зам. – Я позвоню, кому надо, есть у нас нужные люди. Они посмотрят, разберутся, и будем меры принимать.

– Да, ты прими меры, Саша, – согласился потомок армянских князей и сам тоже кое-что принял – бокальчик итальянского вина.

Персональный лифт доставил их прямо к порогу фитнес-клуба.

Мельком взглянув на вывеску с надписью «Катран» и изображением неведомой ихтиологам голубоглазой рыбы с грузинским носом, чахоточным румянцем и голливудской улыбкой, Ольга Пална направилась к двери в бассейн.

Угадать, где он находится, труда не составило. Дверь была приоткрыта, и за ней на фоне синей воды маячила чья-то широкая спина, облаченная – нехарактерно для бассейна! – в темный пиджак.

– Позвольте, – склочным голосом сказала Ольга Пална, настойчиво протискиваясь в узкую щель между дверным косяком и бетонной крепости плечом.

– А вот и не позволим, – меланхолично возразил крепкий тип в пиджаке и нажал на дверь.

– Это почему же не позволите? Я, между прочим, тут живу! – уперлась Ольга Пална.

В этот момент Люсинда должна была сказать: «Между прочим, в пентхаусе!» – и тогда, возможно, приземленный тип отступил бы перед небожительницами.

Но Люсинда почему-то промолчала, и тип сказал:

– Бассейн закрыт, приходите завтра.

Одновременно он, даже не оборачиваясь, отвел назад крепкий локоть, и закрывающаяся дверь начала выдавливать Ольгу Палну в холл.

– Мне... Не надо... Завтра... Мне... Надо... Сейчас... Срочно! – запыхтела она, упираясь. – Мне отсюда звонили!

Дверь перестала давить, пиджак повернулся к бассейну шлицей, к Оле пуговицами.

– Вам звонили из бассейна?

– Фух, я знаю, это звучит идиотски...

Оля тщетно попыталась сдуть со взмокшего лба прилипший локон.

– Но минут пятнадцать назад мне действительно звонили с телефона, который установлен в бассейне! Во всяком случае, так сказала девушка с рецепции.

– Вань! Никак, у нас тут еще одна жертва! – крикнул тип в пиджаке в глубь бассейна.

– Два, два, два! – подхватило эхо.

– Кто? Где?

К первому типу в пиджаке подошел второй такой же.

– Вы, что ли, жертва?

– Типун вам на язык! – возмутилась Ольга Пална и быстренько поплевала через левое плечо. – Какая я жертва? Я жива и здорова.

– И это замечательно, – безразлично согласился пиджак, именуемый Ваней. – Но вам звонили из бассейна и – что? Назначили встречу? Кто, ваш знакомый?

– Э-э-э... Вообще-то, нет, никто мне ничего не назначал, – заюлила Ольга Пална, не желая втягивать в какие-то разборки Димку.

«А жаль, хороший доктор назначил бы тебе лечение», – отчетливо произнес ее внутренний голос.

Оля мотнула головой, выбрасывая эту неприятную мысль из головы вон.

– То есть, вы стали жертвой телефонного хулиганства, – подытожил невозмутимый Ваня. – Считайте, повезло! На другую неосторожную девушку реально напали.

– Кто?

Ваня пожал плечами:

– Хулиганы! Вскрыли дверь, проникли в помещение и давай тут пакостить. Вы, девушка, будете писать заявление?

– Ние, ние, ние! – подсказало Оле мудрое эхо.

– Не, не! – повторила она, отступая. – Никаких заявлений, никаких претензий, мы уже уходим.

Дверь закрылась.

– Говорю, уходим мы! – громко повторила Оля специально для Люсинды, которая застыла у стены бронзовой фигурой «Шагом марш, равнение направо».

Такая динамичная скульптура была бы уместна на парковой аллее, в одном ряду с «Юным барабанщиком» и «Горнистом». Пламенную Люсинду как будто приморозило на полном ходу в светлое будущее.

Ольга Пална проследила за застывшим взглядом подружки и тоже остановилась.

«Сочи встречает Международный форум «Мир и спорт» под председательством принца Монако Альбера Второго!» – радостно информировал плакат на стене.

– Принц Монако, – прошептала Люсинда, неотрывно глядя на портрет бравого мужчины в мундире с ватной грудью и множеством сверкающих орденов.

– О нет, – беспомощно сказала Ольга Пална, ощущая, как электризуется атмосфера.

В голосе Люсинды отчетливо звучали отдаленные еще громовые раскаты:

– Альбер-р-р Втор-р-рой!

– Это не тот принц! Он женат! – напомнила Оля, уже понимая, что все бесполезно.

– Подумаешь! – Люсинда наконец отмерла и махнула рукой. – Генрих Восьмой женился шесть раз, а Альбер мой чем хуже?

Она послала принцу на плакате сочный воздушный поцелуй и мечтательно сказала:

– Люсинда, принцесса Монако! Звучит, а? Все, Романчикова, шагом марш, вперед, труба зовет, военная кампания проясняется!

В лифте по пути на свои небеса Ольга Пална размышляла, как бы уговорить Люсинду отложить составление стратегических и тактических планов кампании по завоеванию принца хотя бы до завтра, если уж не до следующей жизни.

Внутренний голос подсказывал ей, что единственный действенный способ заключается в том, чтобы привести главного стратега и тактика в бессознательное состояние и продержат в таковом всю ночь до самого утра.

Оля всерьез прикидывала, как это сделать.

Внутренний голос настойчиво рекомендовал снотворное в спиртовом растворе.

Снотворное у Оли было, но моральные принципы тоже имелись. Она колебалась.

Гудение лифта и болтовня Люсинды размышлениям робкой злоумышленницы не мешали, а вот трели телефона в номере заставили ее напрячься.

– А ну, перестань трястись! – прикрикнула на подружку Люсинда, заметив, что у той задрожали руки. – Пусти, я сама открою.

Трубку тоже сняла Люсинда.

Оля выжидательно уставилась на нее большими глазами.

– Не Димка! – немного послушав, громким шепотом сообщила ей подружка и закивала, соглашаясь с кем-то в трубке. – Да, хорошо, проводите ее, мы ждем.

– Кого это мы ждем? – еще не успокоившись, сварливо спросила Оля.

Единственным, кого очень ждала она сама, в настоящее время был бог сновидений Морфей. Ольга Пална надеялась, что после качественного ночного отдыха она проснется в добром душевном здравии.

– Родственница Клары Абрамовны! – Люсинда прошла в гостиную и открыла минибар. – Сообразим-ка мы на троих...

«А вот и спиртовой раствор для снотворного!» – встрепенулся внутренний голос коварной злоумышленницы.

– На троих у меня снотворного не хватит, – буркнула она.

Жутковатая Клара Абрамовна Ольге Палне откровенно не понравилась, и знакомиться с какой-то родней очень странной старухи ей ничуть не хотелось.

– Ну, «Мохито» я, конечно, не состряпаю, но могу соорудить нам любимый коктейль Джеймса Бонда! – оживленно покричала из гостиной Люсинда. – Как думаешь, она будет...

– Не будет, – после секундной паузы уверенно ответила Оля, обернувшись на звук подъехавшего лифта.

Родственница Клары Абрамовны вовсе не походила на человека, который разделяет вкусы Джеймса Бонда.

Бонд нипочем не напялил бы на себя байковый халат в жутких розочках и махровые гольфы, элегантно подвернутые на щиколотках аккуратными бубликами!

Но родственница Клары Абрамовны не походила также на саму Клару Абрамовну, и как раз это можно было поставить ей в большой плюс. Зрячих глаз у родственницы было два, горбов и бородавок – ноль, и передвигалась она на своих двоих, обутых в прелестные резиновые шлепанцы с пластмассовыми ромашками.

– И снова здравствуйте! – без особой душевности сказала родственница, выступая из лифта в холл, с великолепием которого она решительно не гармонировала. – Как себя чувствуете?

– Я-то?

Ольга Пална чувствовала себя как персонаж романа писателя-абсурдиста Франца Кафки, но сообщать об этом особе в халате с розочками и шлепанцах с ромашками не было смысла.

– Конечно, вы меня не помните, – по-своему истолковала замешательство Ольги Палны неожиданная гостья. – А вот я вас век не забуду!

Сказано это было довольно зловеще, и Оля забеспокоилась. Кровь не водица, и что-то от ведьмы Абрамовны в этой ее родственнице, определенно, было.

– Романчикова! – выглянула в холл Люсинда с бутылкой. – Ты чего стоишь столбом? Приглашай Варвару в дом. Это же Варвара, племянница Клары Абрамовны.

– Внучатая племянница Клары Абрамовны, – уточнила Варвара, переступая порог.

– Вас, наверное, тетя прислала? – нетерпеливо поинтересовалась Люсинда, жестами приглашая Варвару устроиться на диване в гостиной. – Она что-то вспомнила о моем принце, да? Что-нибудь, что может помочь в его поисках?

– Про принца вашего я ничего не знаю, – разочаровала ее Варвара, с детской пытливостью попрыгав на упругом диване. – Да-а-а, красиво живете... А что до поисков, то тетя Клара сказала, что это вы мне поможете.

Тут она тяжелым взглядом посмотрела на Ольгу Палну, в итоге выжав из нее нервный хмык и логичный вопрос:

– Что же вы ищете?

«Смысл жизни и хорошего стилиста!» – ехидно подсказал Олин внутренний голос.

– Кота, – по-своему ответила Варвара.

– Я не умею искать котов, – призналась Оля.

«А принцев?» – тут же прицепился ее внутренний голос.

«Я никого не умею искать».

– Ну, да! А мужа ты себе нашла первостатейного! – возразила Люсинда, словно услышав неслуханное.

– Муж сам нашелся, – призналась Оля.

– Это потому, что вы везучая, – сообщила Варвара. – Мне тетя Клара так и сказала: «У этой девушки везения в сто раз больше, чем дурости».

– Необычный комплимент, – кисло улыбнулась везучая девушка, скудная умом.

– Романчикова, это же сущая правда! Тебя даже «Красная метка» не убила! – подхватила азартная Люсинда. – Ты ужасно везучая, Романчикова, и ты будешь полной свиньей, если зажмешь этот свой талант исключительно для личного пользования!

– Потерялся-то Бертик из-за вас! – нажала и Варвара.

– Кто такой Бертик?

Оля потеряла лоб.

– Да кот же! Вы на него упали, чуть не раздавили беднягу, он испугался и убежал! А он приезжий, домашний, Сочи не знает!

– Я тоже не знаю Сочи! – чуть не плача, напомнила Оля, чувствуя себя уж вовсе нехорошо оттого, что в словах неправильной родственницы Клары Абрамовны определенно была сермяжная правда.

Она действительно упала на кота.

– Будем разбираться вместе! – постановила Люсинда и солнечно улыбнулась. – Теперь нас трое, и это настоящий штаб.

«Гроб это, а не штаб», – плюнул ядом Олин внутренний голос, но его никто, кроме хозяйки, не услышал.

Примерно через час штабистку Варвару, немного успокоенную обещанием посильной помощи, удалось спровадить в места постоянной дислокации.

К этому моменту литровая бутылка «Мартини» почти закончилась, потому как его, следуя заветам Джеймса Бонда, и не взбалтывали, и ни с чем не смешивали, пили просто так, как компот.

– Й-а зна-й-у, чтъ тѣбе этъ всь не нрацца, – мужественно борясь с внезапно возникшими у нее дефектами речи, проникновенно сказала Люсинда, как показалось Оле, по-болгарски. – Но й-а хъчу замж запринсссс...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.